

АНТИКЛЕРИКАЛЬНАЯ ПОЭЗИЯ ЛОМОНОСОВА И РУССКИЕ НАРОДНЫЕ ПОСЛОВИЦЫ

Отношение Ломоносова-стихотворца к устной народной поэзии остается пока одним из наименее освещенных вопросов его литературной деятельности.

П. Н. Берков в порядке предварительной постановки вопроса высказал соображения о непосредственных отголосках народного песенного творчества в поэтической лексике Ломоносова.¹ По мнению М. А. Гнездилова, повторение припева в «Гимне бороде» сближает «Гимн» с «народной песней», а начало «Оды Трессотину» «очень удачно дается в тоне народных песен».² Е. А. Касаткина приводит из русских од XVIII века (Ломоносова, Петрова, Державина) такие поэтические детали, которые считает сходными с соответствующими образами русского фольклора, а следовательно, свидетельствующими о воздействии фольклора на одописцев XVIII века, в частности на Ломоносова.³ Д. К. Мотольская заметила, что лексика и ритмика сатирических стихов Ломоносова «отчасти подсказана народной песенностью».⁴ А. Н. Соколов обратил внимание на фольклорные мотивы в первой песне ломоносовской поэмы «Петр Великий».⁵

¹ П. Н. Берков. Ломоносов и фольклор. «Ломоносов», сборник статей и материалов, М.—Л., 1946, стр. 113—114.

² М. А. Гнездилов. М. В. Ломоносов — сатирик и полемист. «Научные записки Ворошиловградского государственного педагогического института имени Т. Г. Шевченко», т. I, Ворошиловград, 1940, стр. 50, 52.

³ Е. А. Касаткина. Торжественная ода XVIII в. и древнерусская устнопоэтическая литературная традиция. «Ученые записки Томского государственного педагогического института», т. III, Томск, 1946.

⁴ Д. К. Мотольская. Ломоносов. История русской литературы, т. III, Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 268.

⁵ А. Н. Соколов. Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX века. М., 1955, стр. 107—108.

В деятельности Ломоносова — истоки демократической линии в русском просвещении XVIII века. Уже поэтому проблема отношения Ломоносова к поэтической культуре народа приобретает особенную актуальность.

В настоящей статье рассматривается одна из сторон данной проблемы: в каком отношении антиклерикальная поэзия Ломоносова стоит к русской народной сатире, преимущественно пословичной. В связи с этим в работе ставятся следующие задачи: показать наличие творческого использования народной сатиры в ломоносовской поэзии; выяснить существенные стороны в отношении Ломоносова-просветителя к народному свободомыслию, как оно отразилось в антицерковном фольклоре; установить преемственность антицерковной демократической сатиры XVII века в сатире Ломоносова, а также — по необходимости в сжатых чертах — определить место ломоносовских антиклерикальных стихов в истории фольклоризма русской передовой сатирической литературы.

Ломоносов использовал сатиру в борьбе за просвещение, против церковно-схоластической идеологии.⁶

Наиболее выдающееся произведение в цикле антицерковных стихов Ломоносова — «Гимн бороде».

Этот памфлет явился одним из самых острых, действенных произведений русской сатирической поэзии XVIII века. Не ограничиваясь обличением пороков духовенства, «Гимн бороде» показывает церковь как силу, являющуюся препятствием на пути государственного и культурного прогресса страны.

Ломоносов (как автор «Гимна бороде») наносил сильнейший удар клерикальной идеологии. Поэт показал истинное лицо церкви, он предал публичному осмеянию догматы церковного учения и обрядности. Его сатира, получившая в свое время широкий общественный резонанс, занимает видное место

⁶ Отношение Ломоносова к сатире было теоретически осознанным. Положительно отзывавшись о двух эпистолах Сумарокова («О русском языке» и «О стихотворстве») и рекомендовав их к печати, Ломоносов отстаивал право поэта на сатиру и, утверждая ее правомерность, ссылался на поэзию народов Западной Европы и на произведения Кантемира. Он заявил, что «в российском народе сатиры князя Антиоха Дмитриевича Кантемира с общею апробациею приняты, хотя в них все страсти всякого чина людей самым острым сатирическим жалом пронизаются...» Показательно, что Ломоносов выделяет именно это: стихи Кантемира поражают пороки людей «всякого чина», т. е. и «высокородных». Здесь приоткрываются существенные стороны ломоносовского восприятия сатир Кантемира (см.: М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., т. IX, Изд. АН СССР, М.—Л., 1955, стр. 621, Рапорт в канцелярию Академии наук 17 ноября 1748 года).

в истории борьбы русского просвещения XVIII века с силами реакции.

Мысли о «тактике» и общественной роли церкви, изложенные в «Гимне бороде» (и в других ломоносовских произведениях), получают дальнейшее развитие — на принципиально новой, революционной основе — у Радищева, в оде «Вольность». Ломоносов в «Гимне бороде» показывал, что церковь сеет в народе «ложные мнения» и освящает их своим авторитетом; что церковь — это «корень действий невозможных»; утверждал, что церковь боится научной истины и преследует ее; обличал обман и лицемерие — характерные черты духовенства. Радищев в оде «Вольность» писал, что церковь повсюду сеет призраки и тьму, велит слепо верить, учит бояться истины, «обманывать и льстить умеет...». Радищев как носитель революционного мировоззрения вскрыл социальную роль и лицемерие церкви несравненно глубже, чем Ломоносов. Разоблачение церковной организации носит у Радищева принципиально новый характер в сравнении с ломоносовской критикой. Автор «Вольности» показал, что церковь в союзе с монархической властью служит орудием экономического, политического и духовного порабощения народных масс. Борьбу с клерикальной идеологией Радищев связывал с народной революцией, с уничтожением крепостничества и самодержавия. До такой критики церкви Ломоносов подняться не мог. Антицерковная тема заняла свое место в сочинениях Н. И. Новикова, Д. И. Фонвизина, М. Д. Чулкова и других писателей последней трети века. И тем не менее, если не считать выступления Радищева, «Гимн бороде» представляет наиболее яркое проявление антиклерикальной идеологии в русской сатире XVIII столетия.

В обширной критической литературе о Ломоносове полемике, развернувшейся в XVIII веке вокруг «Гимна бороде», уделено большое внимание.⁷

Однако, насколько нам известно в печати не освещен вопрос о глубоко народных истоках ломоносовской сатиры; «Гимн бороде» не рассмотрен на фоне русского антицерковного фольклора, в частности сатирических пословиц и поговорок. Это обстоятельство отчасти связано с тем, что подробный анализ самого текста «Гимна» не привлекал исследователей.

В авторской позиции создателя «Гимна бороде» есть особенность, не обратившая на себя должного внимания: давая уничтожающую характеристику духовенства, говоря о презрении

⁷ О полемике вокруг «Гимна бороде» см.: П. Н. Берков. Ломоносов и литературная полемика его времени. М.—Л., 1936, стр. 195—239.

к попам как характерной черте русского общества, Ломоносов как бы принимает на себя миссию выразителя общенародного мнения, поэт передает это мнение и солидаризируется с ним. О бороде и ее носителях автор пишет:

О коль в свете ты блаженна,
 Борода — глазам замена!
 Люди обще говорят
 И по правде то твердят:
 Дураки, вралы, проказы
 Были бы без ней безглазы,
 Им в глаза плевал бы всяк;
 Ею цел и здрав их зрак.⁸

Отношение русского народа к церковникам охарактеризовал Белинский в письме к Гоголю.

Взгляд народа на духовенство, очерченный Белинским, ярко сказался в фольклоре не только в XIX веке, но и гораздо раньше. Об этом свидетельствуют хотя бы рукописные сборники пословиц и поговорок XVII и XVIII столетий и народные сатирические повести второй половины XVII века.

XVII и XVIII столетия — время интенсивного развития антицерковного русского фольклора, богато представленного, в частности, пословицами и поговорками.

В ряду антицерковных и антидомостроевских народных изречений, известных уже по сборникам XVII—XVIII веков, довольно видное место занимает группа пословиц и поговорок о бороде.⁹

⁸ Сочинения М. В. Ломоносова с объяснительными примечаниями академика М. И. Сухомлинова, т. II, изд. АН, СПб., 1893, стр. 138—139. В дальнейшем цитируется: М. В. Ломоносов, Сочинения, т. II. «Гимн бороде» цитируется здесь и в дальнейшем по этому изданию.

⁹ Используемые ниже двенадцать сборников пословиц обозначаются в тексте статьи сокращенно:

Б — Рукописный сборник пословиц А. И. Богданова. «Собрание пословиц и присловиц российских, которые в повестях и во употреблении народных речах бываемые и по алфавиту оные скорого ради приискания расположены в пользу народной забавы и увеселения. 1741 году». Рукописное отделение БАН, 17.7.33.

ДП — В. И. Даль. Пословицы русского народа. Изд. 3-е. М., 1905.

ДРП — Собрание 4291 древних российских пословиц. М., 1770.

И — И. И. Аллюстров. Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках. Изд. 3-е. М., 1915.

КГ — Н. Г. Курганов. Российская универсальная грамматика, или всеобщее письмословие. М., 1769.

КП — Н. Г. Курганов. Письмовник, содержащий в себе науку российского языка со многим присовокуплением разного учебного и полезного вещесловия. Изд. 8-е, СПб., 1809.

Такие пословицы отрицают за старшим поколением, за «бородами» монополию на «всеведение» и правоту; они отвергают правило «древлего благочестия», выразившееся в изречении: «Чем старше, тем правее» (СНС, стр. 57). Используя образ бороды как популярную аллегория святости, они изобличают скудоумие и развращенность, показное смирение и волчью повадку ханжей-церковников и мирян. Народные изречения такого типа противостояли распространенным в свое время «патриархальным» афоризмам.¹⁰

Общий по духу с сатирическим фольклором, «Гимн бороде» по своей теме, мотивам, в которых она раскрывается, по образно-стилистическому воплощению темы теснее всего связан с пословицами о бороде.

Определяя в 1-й строфе тему «Гимна», Ломоносов говорит о традиционном отношении к бороде: она пользуется уважением («Волосам, от всех почтенным...»), она придает вес, «уважительность» суждениям советам, которые дает обладатель бороды («Волосам... / Что под старость наших лет / Уважают

- П — Повести или пословицы всенароднейшие по алфавиту (П. К. Симони. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий, вып. 1. Сборник ОРЯС АН, т. LXVI, № 7, СПб., 1889).
- Р — Рукописный сборник пословиц, поговорок и присказок Петровского времени (П. К. Симони, там же).
- СНС — И. М. Снегирев. Новый сборник русских пословиц и притчей. М., 1857.
- СП — И. М. Снегирев. Русские народные пословицы и притчи. М., 1848.
- СР — И. М. Снегирев. Русские в своих пословицах, кн. 1—2. М., 1831; кн. 3, М., 1832; кн. 4, М., 1834. В этом исследовании, в отдельных главах, есть подборка пословиц.
- Т — Рукописный сборник пословиц В. Н. Татищева (заголовок не обозначен). Рукописное отделение БАН, 17.7.32.

Естественно, что, приводя пословицы и поговорки в параллель к произведению Ломоносова, мы пользуемся в первую очередь сборниками, предшествующими по времени его выступлениям.

¹⁰ Примеры патриархальных пословиц о бороде: «Брадою честен стар, а разумом хвален млад» (СП, стр. 21), «Седая бородушка — золотая головушка» (Р, стр. 213); борода как аллегория всеведения и высокого сана — в пословицах «Ведают того больше, у кого бороды толще» (Р, стр. 212), «Ведают то большие, у кого бороды пошире» (П, стр. 89). Последняя пословица использована Сумароковым в его притче, помещенной в «Трудолюбивой пчеле»: «Когда же не знал никто, / И мне безвестно то /. То знали только в мире / У коих бороды пошире». Почитание бороды в допетровской Руси и борьба за право ношения бороды, вызванная указами Петра, — факты общеизвестные. Почитание бороды отражено в изречениях раскольников, например: «Образ божий в бороде, а подобие в устах», «Брить бороду — портить образ Христов» (см., например, ДП, т. I, стр. 13).

наш совет»). Однако уже первые строки произведения подчеркивают иронический смысл ломоносовской хвалы бороде. В первых трех строках поэт с ироническим пафосом отвергает традиционные гимны в честь Венеры и провозглашает новую тему — о бороде, якобы не менее достойную гимна, чем античная богиня любви. Едва ли нужно пояснять, что, отвергая обычай почитания бороды, Ломоносов так же, как народ, создавший сатирические пословицы о бороде, выступает не против уважения к старости (ср. пословицу «Борода делу не помеха»; СП, стр. 20, ДП, т. II, стр. 29), а против домостроевской морали, против церкви, которая использовала и этот древний обычай в своих целях.

Третья и четвертая строфы «Гимна», как известно, формально являются сатирой на раскольников. Ломоносов пишет о раскольниках, которые вносят в казну пеню за ношение бороды:

Борода в казне доходы
Умножает по вся годы:
Керженцам любезный брат
С радостью двойной оклад
В сбор за оную приносит,
И с поклоном низким просит
В вечный пропустить покой
Безголовым с бородой.

(Стр. 138)

Эта строфа имеет тематические и стилистические соответствия в пословицах, появившихся в связи с указом Петра о ношении бород. Фразе «Борода в казне доходы / Умножает по вся годы» соответствует по смыслу изречение петровских времен: «Без рубля бороды не отраслишь» (ДП, т. II, стр. 29), оно возникло как отклик на петровский указ, по которому раскольники облагались двойным окладом. Откупавшие свою бороду должны были носить на шее штрафную монету — медаль с изображением бороды. Очевидно, в это же время возникли пословицы: «Борода лишняя тягота» (СП, стр. 20; ДП, т. II, стр. 29), «Борода — трава, скосить можно» (ДП, т. I, стр. 15; т. II, стр. 29).¹¹

¹¹ В доказательство того, что пословица «Борода — лишняя тягота» заимствована с «штрафной» медали, которая давалась откупавшим свою бороду, И. И. Иллюстров ссылается на письмо М. Я. Диева к И. М. Снегиреву. М. Я. Диев сообщает, что видел «медную четырехугольную медаль, которую обыкновенно давали тем, кои вносили за бороду деньги: на одной стороне вытеснено: пошрины взяты 1725 г., а по краям: борода — лишняя тягота». «Последние слова, — замечает М. Я. Диев по поводу этого изрече-

Последние две строки 3-й строфы — «В вечный пропустить покой/Безговым с бородой» — как бы пародируют пословицы об отношении раскольников к бороде, проповедовавших, что без бороды в рай (в ломоносовском «Гимне» — «вечный покой») не попасть: «Без бороды и в рай не пустят» (СР., стр. 48; ДП, т. I, стр. 13). Мотив «Без головы, но с бородой» — в таких, например, пословицах: «Режь наши головы, не тронь наши бороды» (СР, кн. II, стр. 48; ДП, т. I, стр. 13; т. II, стр. 29), «Борода дороже головы» (ДП, т. II, стр. 29),¹² А. И. Богданов в своем сборнике пословиц поместил следующее изречение: «Расколнику борода милая как его голова» (Б, стр. 12).

Фраза из «Гимна» «безговым с бородой» имеет двоякий смысл; это и передача пословиц о готовности раскольника расстаться с головой во имя сохранения бороды, это в то же время ироническое использование слова «безголовый» в качестве синонима слова «безмозглый».

Учитывая контекст ломоносовского «Гимна» в целом, можно заключить, что Ломоносов не видит особой разницы в отношении к бороде, и шире — ко всему косному, домостроевскому, — у раскольников и в массе служителей официальной церкви.¹³

В 4-й строфе речь идет о раскольникѣм «вероучителе».

Не напрасно он дерзает,
Верно свой прибыток знает:
Лишь разглядит он усы,
Смертной не боясь грозы,
Скачут в пламень суеверы;
Сколько с Оби и Печеры
После них богатств домов
Достает он бородой.

(Стр. 138).

ния, — нередко мне случалось слышать вроде поговорки» (письмо Диева — в «Чтениях в Обществе истории и древностей российских», М., 1887, кн. I, стр. 50).

¹² Происхождение этих пословиц относится к Петровским временам. По свидетельству одного из современников Петра I, раскольники говорили: «Готовы главы наши за брады наши положить». О том же свидетельствует Чулков. В «Словаре русских суеверий» он поместил следующую заметку: «Борода, раскольники, именующие себя староверами, сию кучу волосов почитают выше всех своих членов и дороже самой их головы, мян, что они с бородою составляют образ и подобие божие... а для сей неправосоставленной ими системы лучше хотят быть лишены головы, нежели бороды; чем и многих простаков заразили» (Словарь русских суеверий, СПб., 1782, стр. 4—5).

¹³ Старший современник Ломоносова, Кантемир писал: «Широкую бороду и по брюху распущену невежи священническому чину за особливую украсу приписуют» (Сочинения, письма и избранные переводы А. Д. Кантемира, т. I, СПб., 1867, стр. 30).

Анализ этой строфы показывает, что сатира на раскольников обращена и против официальной церкви. Раскольников «законоучитель», проповедник самосожжения, извлекает «прибыток» из религиозных верований, которые сам же распространяет. Лишь только «разглядит он усы» (нужно думать, намек на убеждение раскольников, выраженное в пословице: «Образ божий в бороде, а подобие в усах»), «суеверы», сохраняя бороду, расстаются с головой, «скачут в пламень», идут на самосожжение. Богатства «самосожженцев» достаются законоучителю: «Сколько... / После них богатств домой / Достает он бородой». Здесь борода — символ суеверия, которое эксплуатируют в целях наживы.¹⁴

В 7-й и 8-й строфах, прямо относящихся к попам казенным, к официальной церкви, борода — это средство, при помощи которого поп «будет нескуден», «великая борода» — «мать дородства», «мать достатков».

Поэт не ограничивается критикой духовенства как врага научного знания — «Гимн» показывает церковь как силу паразитическую: «борода», церковный сан, церковный обряд — это источник дохода. Ту же мысль Ломоносов высказал в работе «О сохранении и размножении российского народа». Констатируя, что обряд крещения является одной из причин большой детской смертности, Ломоносов писал: «Таких упрямых попов, кои хотят насильно крестить холодною водою, почитаю я палачами, затем что желают после родин и крестин вскоре и похорон для своей корысти».¹⁵ О том же говорит и общеизвестная народная пословица: «Родись, женись, умирай — за все попу деньги отдавай». Следовательно, «Гимн бороде» (так же, как трактат «О сохранении и размножении российского народа») отражает отношение народа к экономической практике церкви, породившее не только сатирические сказки, но и многочисленные, до сих пор не забытые пословицы. Показательно, что такие пословицы входят уже в сборники XVII и XVIII веков, например в «Повестях или пословицах всенароднейших по алфавиту»: «Кому тошно, а попу в мощно» (стр. 115), «Попам да клопам жить добро», «Попы паствятся над мертвым,

¹⁴ Очевидно, Ломоносов обратил внимание на то, что раскол использовался определенной частью старообрядцев в качестве средства наживы на единоверцах и влияния на них.

¹⁵ М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., т. VI, Изд. АН СССР, М.—Л., 1952, стр. 391. — Разрядка моя, — Г. Б. — В этом трактате Ломоносов говорит о больших церковных праздниках, приносящих доход церкви, как о страшном зле народной жизни. Он доказывал, что один только первый день пасхи («великий день») уносит ежегодно тысячи жизней.

а клопы над живым» (стр. 132), «Ждучи поп усопших, да сам уснул» (стр. 103), «Поп любит блин, а ел бы он один» (стр. 132), «Сыт пономарь и попу подает» (стр. 142; та же пословица в сборнике стр. 71), «Хорошо попам, да поповичам: дураками их зовут да пирогами им дают» (стр. 150), «От священника молитва, от людей пять рублей» (стр. 152); в сборниках А. И. Богданова: «Попа плешью не стражай, от ее сыт бывает» (допетровский обычай простригать у священников макушку при «рукоположении», Б, стр. 179), В. Н. Татищева: «Не грози попу церковь, от нее сыт бывает»,¹⁶ «Попа сеном не кормят» (Т, стр. 44, 59); та же пословица в сборнике Богданова (Бг, стр. 179); в «Собрании 4291 древних российских пословиц»: «Богу слава, а попу каравай сала», «Деревенский попок любит горячий пирог» (ДРП, стр. 9, 51). Антиклерикальные пословицы отмечены В. П. Адриановой-Перетц в рукописном сборнике конца XVII—начала XVIII века (Рукописное отделение БАН СССР).¹⁷

Народная пословица отмечает, что «Великий день» выгоден для духовенства: «Коли б то можно бути через зиму котом, через лито пастухом, а на Велик день попом» (И, стр. 135).

Таким образом, ломоносовский стих о бороде как «матери» достатков и дородства имеет общую основу с народными пословицами о поповской корысти. Использование мотива о бороде как аллегории церковного прибытка отмечаем в старинной народной пословице «У Власия — и борода в масле» («приношения» прихожан на церковь «натурой» — маслом на Власиев день — ставились под икону Власия).¹⁸

В 5-й, 7-й и 8-й строфах Ломоносов развивает следующую мысль: борода — «прикраса», она заменяет ум, совесть, за «великой бородой» скрываются «дураки, враль, проказы». Этот мотив «Гимна бороде» имеет множество параллелей в русских пословицах о бороде.

Так, в «Гимне бороде» «враль, проказы» прикрываются «великой бородой».

Слово «проказы» требует пояснений. В I томе «Словаря церковно-славянского языка» А. Х. Востокова, 1858 года — «про-

¹⁶ В этой последней пословице слова «от нее сыт бывает» приписаны другим почерком. Сличение сборников Татищева и Богданова создает впечатление, что почерк в тексте второго сборника и в приписках, имеющих в первом сборнике один и тот же. Оба содержат весьма яркие антицерковные пословицы.

¹⁷ В. П. Адрианова-Перетц. К истории русской пословицы. Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова, Л., 1934, стр. 62—63.

¹⁸ А. Коринорский. Народная Русь. 1901, стр. 151.

каза... проказы... вредные козни»; во II томе «Материалов для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И. И. Срезневского, 1902 года — «проказа» — «зло, вред, злодеяние»; «проказство» — лукавство, коварство; там же с аналогичным смыслом — «прокуда» («вред, зло, грех») и «прокудник» в значении «распутник». «Толковый словарь» Даля (т. III) и областные словари¹⁹ свидетельствуют о том, что понимание слова «проказить» в смысле «красть», «лукавить», «хитрить», «обманывать» и т. п., зафиксированное в древнерусском языке, сохранилось и в XIX веке. Следовательно, оно жило с таким значением и в языке XVIII века.

Учитывая это словоупотребление, с одной стороны, и с другой — общую направленность «Гимна бороде», можно не сомневаться в том, что слово «проказы» автор «Гимна» употребил не как синоним слова «шалуны», а в смысле «коварные», «лукавые», «хитрые», «злые», «обманщики», «развратники» и т. д.²⁰ Вот что говорит Ломоносов о «проказах», «прокудах», «прокудниках», прикрывающихся «великой бородой», иноческим саном: «... в чернечестве блуднику, прелюбодеею или еще и мужеложцу литургию служить и всякие тайны совершать дается воля», «... монашество в молодости ничто иное есть, как черным платьем прикрытое блудодеяние...».²¹

«Проказам», «прокудам», прикрытым «великой бородой», посвящено много народных пословиц и поговорок. Достаточно выразительными являются следующие примеры из сборников XVII—XVIII веков (преимущественно первой половины XVIII века): «Верь бороде, а порука в воде» (П, стр. 87; К. Г., стр. 110), «Верил бороде, а порука в воде» (Р, стр. 212); «По образу Никола, по усу Илья, а по уму свинья» (Р, стр. 204); «По бороде Никола, а по зубам собака» (Т., стр. 57); «Апостольска борода, а чертовский усок» (Б, стр. 12); «Боро-

¹⁹ Опыт областного великорусского словаря. Изд. АН, 1852; «Дополнение к Опыт областного великорусского словаря». Изд. 2-е, СПб., 1858.

²⁰ Очевидно, употребление Ломоносовым слова «проказы», как синонима «проказники» грамматически однотипно с употреблением слова «прокуды» в смысле «притворщики», «обманщики», «хитрые», «лукавые люди», «распутники» и т. д. Возможно, что замена Ломоносовым слова «проказники» словом «проказы» вызвана требованиями соблюдения ритма и рифмы («проказы» — «безглазы»).

²¹ М. В. Ломоносов. О сохранении и размножении российского народа. Полн. собр. соч., т. VI, стр. 387. В «Примечаниях (об обязанностях духовенства)» Ломоносов писал: «... при всякой пирушке по городам и по деревням попы — первые пьяницы. И не довольствуясь тем, с обеда по кабакам ходят, а иногда и до крови дерутся» (там же, стр. 408).

душка апостольская, а усок дьявольский» (ДРП, стр. 9).²² Все эти пословицы повторены затем в сборниках XIX—XX веков.

Мотив клятвы бородой, отмеченный нами выше, а также пословичный мотив о бороде и голове — в том же, сатирическом, направлении, но с новым смыслом и несравненно большей заостренностью используются в 6-й строфе «Гимна»:

Есть ли правда, что планеты —
Нашему подобны свету,
Конче в оных мудрецы
И всех пуще там жрецы
Уверяют бородою,
Что нас нет здесь головою.
Скажет кто: мы вправду тут —
В трубе там того сожгут.

(Стр 139) ²³

Аргументы церковников против теории множества миров — это «уверения бородою». Превратив священников в жрецов иных

²² Яркие пословицы на ту же тему имеются у Даля: «По бороде хоть в рай, а по делам — ай-ай!» (т. II, стр. 193), «По бороде давно бы ему быть в воде», «По бороде быть бы тебе в воде, да усы не пускают» (т. I, стр. 212), «Четки на руке, а девки на уме», «По бороде апостол, а по зубам собака», «Стоит ад попами, дьяками да неправедными судьями» (т. III, стр. 192, 193, 204). Очевидно, дополнительные сличения показали бы, что большинство этих пословиц Даля — старинные.

²³ Этой строфе близка великолепная отповедь церковникам — противникам теории множества миров, данная Ломоносовым в работе «Явление Венеры на Солнце, наблюдаемое в Санкт-Петербургской... Академии наук...». Здесь Ломоносов писал: «Некоторые спрашивают, ежели-де на планетах есть живущие нам подобные люди, то какой они веры? Проповедано ли им Евангелие? Крещены ли они в веру Христову?». Ломоносов по поводу этих вопросов заявил: «Сим дается ответ вопросный. В южных великих землях, коих берега в нынешние времена почти только примечены мореплавателями, тамошние жители, также и в других неведомых землях обитатели, люди видом, языком и всеми поведением от нас отменные, какой веры? и кто им проповедал Евангелие? Ежели кто про то знать или их обратить и крестить хочет, тот пусть... туда пойдет. И как свою проповедь окончит, то после пусть поедет для того ж и на Венеру. Только бы труд его не бых напрасен. Может быть тамошние люди в Адаме не согрешили, и для того всех из того следствия не надобно» (М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., т. IV, Изд. АН СССР, М.—Л., 1955, стр. 374—375). Параллель к данным словам Ломоносова — заметка в «Трутне» Новикова: в «Ведомостях» (1769) сообщается, что некий Безрассуд, познакомившись с теорией множества миров, лишился «совсем ума», «ездит ныне ко своим родственникам и знакомым и прощается, сказывая, что он в висячие отправляется миры для проповеди и что он там, яко у непросвещенных людей, всеконечно за веру пострадает» (Сатирические журналы Н. И. Новикова. Редакция, вступительная статья и комментарии П. Н. Беркова, М.—Л., 1951, стр. 113—114).

планет, Ломоносов оценивает отношение церкви к науке: если кто станет отстаивать научную теорию мироздания, того сожгут в срубе. Ломоносов подчеркивает, что в преследовании научной мысли церковь проявляет такое же изуверство, как и в истреблении раскола.

Приведем еще параллель между «Гимном бороде» и пословицами: «Дураки», люди «в разуме незрелом» и их большая («великая») борода. Благодаря ей дурак будет считаться умным («будет рассуден»). Много русских пословиц говорит о большой бороде и малом разуме: «Борода, что ворота, а ума с малой прикалиток» (II, стр. 79); эта пословица в приведенной редакции и с незначительными вариантами встречается во многих сборниках XVIII века,²⁴ «Без уса борода — без ума голова» (II, стр. 79), «Борода выросла, да ума не вынесла» (Т, стр. 5; см. также из сборников XVIII века: Б, стр. 12, КГ, стр. 109; КП, стр. 123; ДРП, стр. 9; из сборников XIX века: СП, стр. 20; ДП, т. II, стр. 29), «Борода с воз, а ума с накопыльник нету» (ДП, т. II, стр. 72 и 163), «Нос (борода) с локоток, а ума с ноготок (там же, стр. 163), «Борода велика (см. в «Гимне» — «Для великой бороды»), а ума ни на лыко» (ДП, т. III, стр. 192). Смысл этих пословиц обобщен в пословице: «Мудрость в голове, а не в бороде» (ДП, т. II, стр. 29). О глупости как о типичной черте попов говорят также, например, пословицы: «Храбрых в тюрьме, мудрых на кабаке, а глупых искать в полах» (II, стр. 148), «Умен, что поп Семен: книги продал да карты купил» (Б, стр. 209); ср.: «Умен, как поп Семен; книги продал, да карты купил; забился в овин, да играет один» (СП, стр. 415).²⁵

Параллели к мотиву о большой и «глупой» бороде, использованному в ломоносовских сатирах, находим не только в устном народном творчестве, но и в народной письменной литературе — в «Притче о старом муже и молодой девице» («посконная борода»),²⁶ в лубочной сатире «О женщине и глупом ста-

²⁴ Р, стр. 175; Б, стр. 12; КП, стр. 123; ДРП, стр. 9. Из сборников XIX века: СП, стр. 21; ПДП, т. II, стр. 29, 163. Сильнее эта же пословица звучит в варианте: «Борода, что ворота, а ума и с прикалиток нет» (например: Б, стр. 12).

²⁵ В работе «К истории русской пословицы» В. П. Адрианова-Перетц, на стр. 63, приводит пословицу из сборника бывш. петровской галереи (конец XVII — начало XVIII века): «Поп пьяный, книги продал, да карты купил».

²⁶ В сборнике Д. И. Богданова есть поговорка: «Борода что посконное помело» (Б, стр. 12).

рике... большой бороде»,²⁷ в лубке «Ералаш с молодницей», высмеивающем длинную бороду и глупого обладателя бороды.²⁸

Приведенные нами пословицы о большой бороде и глупости, несомненно, имеют антидомостроевский характер, и в этом плане они воспринимаются как факты антиклерикального фольклора, хотя и не говорят прямо о попах. По-видимому, в быту, в живой речи их относили и к мирянам и к священникам.

В «Гимне бороде» мотив о «великой бороде», украшающей дурака, отнесен именно к церковникам. Имея истоки в пословицах, этот мотив приобретает в сатире Ломоносова особую заостренность и совершенно явную антиклерикальную направленность: большая борода заменяет ум, потому что борода — это церковный сан.

В плане наблюдений над фольклорным элементом «Гимна» несомненный интерес представляет стих: «Борода — глазам замена!» Такого изречения в просмотренных сборниках пословиц мы не нашли. Однако в «Толковом словаре» Даля эта фраза дана как пословица: «Борода глазам замена» и объяснена так: «иной плюнул бы в глаза, а плюнет в бороду»; ср. с этим: «Плюнь ему в глаза, врет он», «Хоть плюй в глаза — и то божья роса!»²⁹ Если понимать эту фразу так, как ее объясняет Даль, то тогда последующие строки строфы могут быть восприняты как пояснение от автора: «дураки, вдали, проказы» сохраняют глаза потому, что люди плюют им в бороду. Именно так, очевидно, понял эту строфу автор пасторали «Передетая борода», писавший в ответ на «Гимн бороде»: «Люди, правда, хоть велят / В бороду глупцам плевать...» Однако в соответствии с 7-й строфой это изречение получает другой смысл: борода заменяет ум, человек «в разуме незрелом» будет благодаря бороде (т. е. церковному сану) считаться умным (будет «рассуден»). Во многих сборниках есть пословица «Борода козлу не замена» (или «Козлу борода не замена», П, стр. 79, 112; Т, стр. 32; Б, стр. 12, а также в сборниках XIX в.). Смысл этой пословицы: если человек имеет бороду, но не имеет ума, то по бороде и глупости его

²⁷ Д. Ровинский. Русские народные картинки, кн. I, СПб., 1881, стр. 450.

²⁸ Там же, стр. 348—349.

²⁹ В. И. Даль. Толковый словарь, т. I, М., 1955, стр. 115; т. III, М., 1955, стр. 123. В сверстанной, но не вышедшей в свет в связи с начавшейся войной книге пермского краеведа и фольклориста В. Н. Серебренникова (псевдоним Г. Аргентов) «Фольклор Прикамья» (Свердловск, 1941), приведена пословица: «Борода — не вреда, глазам — замена» (стр. 23).

можно сравнить с козлом, однако борода не заменит ему ума, борода уму не замена. Именно об этом говорят пословицы, помещенные в «Российской универсальной грамматике» Курганова: «Борода глазам (козлу) не замена» (КГ, 110; в «Собрании 4291 древних российских пословиц» эти два изречения даны раздельно); здесь глаза — синоним ума, так же, как в пословице «Борода глазам (уму) не замена» (ДП, т. II, стр. 72). Пришла ли фраза «Борода — глазам замена» в сатиру Ломоносова как пословица, созданная до него в значении, на которое указал Даль, или же Ломоносов дал эту фразу, как антитезу по отношению к пословице «Борода глазам (уму) не замена» и таким образом подчеркнул, что порядок вещей, при котором «Борода — глазам замена», противоречит здравому смыслу, народному взгляду на вещи, — и в том и другом случае он не явился простым передатчиком пословицы, а использовал ее творчески, подчинил общему идейному замыслу своей сатиры.³⁰

В «Гимне бороде» духовенство неоднократно изобличается в форме оценки существующих традиций как противоречащих тому, что должно быть. Если ничтожный церковник благодаря «великой бороде» — церковному сану «выходит в люди», становится «знатен» «и нескуден», то пословица говорит: «Бородой в люди не выйдешь» (ДП, т. II, стр. 29).

В двух последних строфах «Гимна» идет речь о намерении автора ухаживать за бородой — расчесывать ее, растить, умащивать и т. д., т. е. держать ее в холе. Любопытно, что мотив холеной бороды есть и в пословицах: «Держать бороду, держать холю» (ОП, стр. 90). Известно, что уход за бородой составлял одну из забот щеголей допетровской Руси — церковников и мирян. Ломоносов придает резко комический и сатирический оттенок этому мотиву тем, что «ветхозаветную» бороду уподобляет щегольскому парикку: «наряжает» «по всем модам» — так, как это делалось с париком: завивает тупей (взбитый хохол на голове), пудрит, заплетает бороду в косу и прячет ее в «кошелек» — мешок для поддержания косы, — всё это Ломоносов называет «уборами». У Ровинского в «Русских народных картинках» помещена «Ода о прекрасном уборе» (т. I, стр. 463—464) — сатира на прическу щеголихи XVIII века.

«Гимн бороде» обнаруживает и стилистическую связь с пословицами, при этом она сказывается не столько в форме от-

³⁰ О возможностях различного толкования текста 5-й строфы «Гимна бороде» не говорим за недостатком места.

дельных языковых соответствий, сколько в общем характере стиля ломоносовской сатиры. Афористичность «Гимна», которую мы ощущаем при чтении, имеет своим источником живую речь широких народных масс, уходит своими корнями в стиль русской народной пословицы по преимуществу. При этом стиль «Гимна» не тождествен стилю пословицы. Афоризмы «Гимна бороде» преимущественно являются частью самостоятельного предложения. В этом произведении фраза включает (как свою часть) одно предложение афористического типа. Иногда здесь ломоносовский период воспринимается от начала и до конца как сочетание нескольких афоризмов. Афористический, пословичный строй имеют, например, следующие фразы: «Не явится борода, / Не открыты ворота» (самостоятельное предложение); «Борода в казне доходы / Умножает по вся годы» (часть самостоятельного предложения); «...Борода глазам замена...» (часть самостоятельного предложения), «Дураки, вдали проказы / Были бы без ней (бороды, — Г. Б.) безглазы...» (часть самостоятельного предложения). В 8-й строфе каждая часть самостоятельного предложения, совпадая со стихотворной строкой, служит определением одного из «достоинств» бороды, и каждое простое предложение, входящее в состав периода, представляет собою своеобразный афоризм с той особенностью, что подлежащее в нем не повторяется, так как каждый из афоризмов относится к одному предмету (бороде). Борода — «мать дородства и умов», она «мать достатков и чинов», «корень действий невозможных», борода — «завеса мнений ложных». (Как известно, последнее изречение было особо выделено церковниками).³¹

К фольклорному элементу «Гимна» мы относим совпадения рифмы в ломоносовской сатире и в пословицах; при этом мы приводим такие пословицы, которые зафиксированы уже в XVII столетии: «Гимн бороде» — «Не явится борода, / Не открыты ворота», пословица — «Борода, что ворота...» (П, стр. 79); «Гимн бороде» — «Уверяют бороною, / Что нас нет здесь головою», пословицы — «Без уса борода, без ума голова» (П, стр. 79); «Волосат без бороды, а усат без головы» (П, стр. 87), «Не отсохнет голова будь борода» (П, стр. 129).

³¹ В докладе Синода Елизавете по поводу «Гимна бороде»: «...пашквилянт... чрез название бороду ложных мнений завесою всех святых отец учения и предания еретически похулил» (Ломоносов, Сочинения, т. II, стр. 165—166, втор. пагин.).

Фольклорное начало оказывается и в других антицерковных сатирах Ломоносова: «О страх!...», «Зубницкому», «Ода Трессотину», «Суд бородам».³²

Как и в «Гимне», идея каждого из этих произведений оформляется в аллегорическом образе бороды, сотканном из развитых и переосмысленных мотивов народных сатирических пословиц. Общий смысл аллегорического образа бороды в стихах, последовавших за «Гимном», такой же, как и в «Гимне». Вместе с тем, раскрытие в них народных мотивов о бороде приобретает некоторые новые оттенки.

В «оде Трессотину» изображается «поднятая борода», аллегорическое обозначение лжепророка, побуждающего раскольников-суеверов к самосожжению (во имя «святой бороды» они идут за своим пастырем «в рай... пылая», ср. в «Гимне» — «Скачут в пламень суеверы») и в то же время это автор пасквиля «Передетая борода, или гимн пьяной голове» (автором этого пасквиля Ломоносов считал Третьяковского), «поднятая борода» — это флаг, вокруг которого собрался «злой сброд», мракобесы и который явился знаком к активным действиям против науки, против Ломоносова.

В сатире «Суд бородам» мотив бороды представляет в новом варианте: «борода над бородами» — аллегорическое обозначение Синода. Новая деталь подчинена основному замыслу произведения: оно направлено против Синода в первую очередь. Но Ломоносов показывает не только членов Синода, но и «тьму бород», которые пришли жаловаться на автора «Гимна бороде» и требовать расправы с «брадоборцем». Таким образом, поэт использует мотив бороды, показывая, что его сатира вызвала реакцию в широких кругах духовенства. Другая новая деталь в произведении «Суд бородам» — это портретная функция аллегорического образа бороды.³³

Ломоносов продолжает использовать народный мотив большой бороды (см. пословицы: «Борода велика...», «Борода

³² О принадлежности «Оды Трессотину» и «Суда бородам» Ломоносову см.: П. Н. Берков. Ломоносов и литературная полемика его времени, стр. 226—235; Д. Д. Благой. История русской литературы XVIII века. Изд. 3-е, М., 1955, стр. 162. Тексты см. в указанном исследовании П. Н. Беркова, а также: М. В. Ломоносов, Сочинения, т. II.

³³ О намеках Ломоносова на членов Синода см. в том же исследовании: П. Н. Берков. Ломоносов и литературная полемика его времени, стр. 231, 234—235. Отметим, что Ломоносов путем описания «внешних» признаков бороды передает «переживания» ее обладателей: бороды «расширяются», трясутся, выются кнутами и т. д. Подобный прием в пословице: «У Игната к пирогам борода с лопату, а увидел дубину, борода клином» (СР, стр. 413).

с воз...», «Борода с ворота...», «Борода с посконное повесмо» и др.), но теперь это борода — «помело» сатаны («Ода Трессотину», «О страх!», «Суд бородам»); данная деталь в ряду с другими оформляет одну из новых тем сатирических стихов — ярость церковников, вызванную «Гимном бороде». Для сатирического изображения сатанинской злобы мракобесов Ломоносов использует (см. «О страх!..», «Суд бородам») другой мотив русских пословиц — усов и бороды: сатану дернули за бороду, и потому его усы «наполнены» «огнем» («усок дьявольский» — в пословице); бородами, сплетенными в сеть, церковники изловят, а усами, свитыми в плеть, засекут «брадоборца», врага церкви, т. е. Ломоносова.

В сатире «О страх!..» Ломоносов развивает сравнение попов с козлами («Козлята малые рождаются с бородами / Коль много почтены они перед попами» и т. д.).³⁴ Этот мотив имеет основу в народных пословицах, сравнивающих бородатых людей с козлами, в речениях, которые входили в язык быта, в обиход (например, «козлиная борода»). Но в ломоносовской сатире мотив попов и козлов чреват «кощунством», — направленный против духовенства, он служит намеком на то, что борода не «удостоена» «таинств святого крещения»; ломоносовский стих о козлах и попах прямо связан по смыслу с припевом о «некрещенной бороде» (в «Гимне»). Продолжая один из мотивов «Гимна» — «удобренной», «унавоженой бороды», сатира «О страх!..» изображает «тучную бороду», ставшую обиталищем «премножества площади...». На аналогичном мотиве — заселенной «живностью» бороды — строится лубочный анекдот «Ералаш и молодича».³⁵

Однако в ломоносовском произведении «О страх!..» та же натуралистическая деталь используется как элемент острой антиклерикальной сатиры: попы уподобляются площадим, а заселенная площадьми борода — земле. Площадицы «меж собой как люди рассуждают, / Других с площадьми бород не признают...» Так же, как попы считают, что не существует других планет, кроме земли, так и площадицы «признают» существующей только ту бороду, которая является их жилищем. Малозначащая деталь, пришедшая из какого-нибудь народного анекдота, из «обиходной», «сниженной» речи, развернута в пародию на церковную космогонию. Таким образом, сатира «О страх!..» про-

³⁴ В доносе Синода на Ломоносова было сказано. «Между многими явными духовному чину ругательствы, б. разумных козлят далеко почтеннейшими, нежели попов, ставит. А при конце точно их назвавши козлами...» и т. д. (М. В. Ломоносов, Сочинения, т. II, стр. 186, втор. пагин.).

³⁵ Д. Ровинский. Русские народные картинки, кн. I, стр. 438—439.

должает тему 6-й строфы «Гимна бороде», тему, развернутую в исследовании «Явление Венеры на солнце».

Приведенные выше наблюдения позволяют внести новые данные в вопрос об отношении Ломоносова к фольклору.

Поэзия Ломоносова в ее сатирической линии тесно связана с русским народным творчеством. Сатирическая тема о бороде, развернутая Ломоносовым, имеет фольклорные истоки — она возникла в русском народном творчестве не позднее XVII века; ломоносовской сатире на «бороду» предшествует сатира народная. Почти все мотивы ломоносовской антиклерикальной поэзии имеют соответствия в русском сатирическом фольклоре, прежде всего — в пословичном.

Общность сатирической характеристики духовенства в антиклерикальной поэзии Ломоносова и в народном творчестве обусловлена идейными и художественными позициями писателя. В своей критике церковников Ломоносов отразил народное мнение. Не случайно в ломоносовском «Гимне» аллегорический образ бороды оказался средоточием таких черт духовенства, которые издавна были знакомы народу и показаны в фольклоре.

В «Гимне бороде» есть «грубый» реализм, сближающийся с реализмом русских народных сатирических сказок, сатирических антимонашеских песен, пословиц и поговорок. В самом стиле ломоносовских памфлетов есть энергия, живость, точность, грубоватое и беспощадное остроумие меткого народного слова. Без всяких сомнений, пословицы, поговорки, мотивы и стиль которых проступают в антиклерикальной поэзии Ломоносова, не были для поэта материалом, к которому он шел «со стороны». В 1824 году Пушкин писал: «...вечером слушаю сказки — и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания».³⁶ Тем не менее, именно Пушкин, как известно, в совершенстве постиг дух русской народной поэзии. Ломоносову не надо было преодолевать те недостатки воспитания, о которых писал Пушкин. Народные пословицы составляли органический элемент мышления и языка бывшего крестьянина. Народный опыт не только обогащал научное мышление³⁷ Ломоносова, но и прорывался в его поэзии. Фольклор-

³⁶ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. XIII, Изд. АН СССР, М.—Л., 1937, стр. 121.

³⁷ Едва ли будет правильным считать, что связь сатирических стихов Ломоносова с пословицами ни в какой степени не осознавалась им. Автор «Гимна бороде» проявлял специальный интерес к пословицам и поговоркам. См. указанную выше (в прим. 1) статью П. Н. Беркова «Ломоносов и фольклор», а также мою статью «Русское народное поэтическое творчество как

ная традиция сатирических стихов Ломоносова восходит к народным основам его культуры.

В ломоносовском «Гимне» нет установки на индивидуализацию сатирического персонажа. Но эта черта «Гимна» скорее идет от традиций фольклора, чем от рационалистичности художественной манеры ломоносовской эпохи. Сатирический образ антиклерикальной поэзии Ломоносова принципиально отличается от персонажей «правильной» сатиры, создававшихся как олицетворение «господствующей страсти» в ее «чистом» виде. Не считаясь с правилами сатирического жанра в эстетике классицизма, с теорией «господствующей страсти», Ломоносов рисует не ханжу вообще, а «поповскую породу» с ее невежеством и мракобесием, с духовным убожеством и моральной низостью, жадностью и паразитизмом, он перечисляет типичные черты церковника, одну за другой. В работе над антиклерикальной сатирой Ломоносовым руководили не литературные «правила», а желание дать бой церковной реакции, показать ее подлинное лицо, сказать полным голосом всю правду о ней. Так, в острой идейной борьбе с силами реакции, из поэтической практики, подчинившейся передовым общественным задачам, возникает, может быть, теоретически даже не осознанный, новый творческий принцип: Ломоносов-сатирик идет не от жанрового шаблона, а от самой действительности, от своего жизненного опыта, впитавшего опыт народа.

Позиция воинствующего просветителя, борца с церковной реакцией, установка Ломоносова-сатирика на создание обобщенного и заостренного образа — всё это вносило творческое начало в связи его антиклерикальных стихов с народной поэзией. Народная традиция в этих стихах обогащается уже в силу того, что антиклерикальная сатира Ломоносова представляет в известном смысле более высокий тип обобщения действительности в сравнении с произведением сатирического фольклора. В памфлетах Ломоносова антицерковная, антидомостроевская направленность народных пословиц и поговорок не только не приглушена, но становится более резкой и целенаправленной. Обогащенные, получившие еще большую заостренность, фольклорные мотивы сливаются здесь в правдивом сатирическом портрете. Ни одно отдельно взятое произведение антицерковного фольклора (пословица и поговорка, сатирическая песня и сказка) не охватывает полностью тех качеств сатирического персонажа, которые сконцентрированы Ломоносовым в одном образе. К тому же

при посредстве этого образа проведена такая тема, которая не могла стать достоянием фольклора XVIII столетия: тема борьбы вокруг теории мироздания. Антицерковная поэзия Ломоносова несет в себе творческое, идейно-художественное обобщение мотивов и образов народной сатиры. В творчестве Ломоносова сатирический фольклор обогащен передовой для своего времени просветительской мыслью, поднят на новую ступень поэтической культуры. И в то же время связи антицерковной сатиры Ломоносова с русским фольклором делают ее более полнокровной, реалистической, оформляют ее народность и национальное своеобразие.

Этим самым решается вопрос и о характере восприятия поэтом одного из актуальных, социально острых начал в русском народном творчестве XVIII века. Ломоносов не только принял фольклор, отразивший дух критики, дух протеста русского народа против церковного засилия, но и сделал оружием борьбы с врагами науки. Народное свободомыслие, проявившееся в остром слове, в сатирической поговорке и поговорке, шло навстречу устремлениям воинствующего просветителя демократического склада, пропагандиста антиклерикальной идеологии. Опора сатирического поэта Ломоносова на народную сатиру, творческое усвоение ее и оплодотворение передовыми просветительскими идеями — всё это означало, что русский сатирический фольклор определенными своими элементами включался в культуру передового русского просвещения XVIII века, утверждался в роли творческого источника передовой национальной литературы. Это была одна из форм проявления действительности русского народного творчества.

Анализ народнопоэтической традиции в сатирических стихах Ломоносова ставит исследователя перед проблемой связей ломоносовской антиклерикальной поэзии с народной сатирической литературой второй половины XVII века.

Прежде чем народное творчество было использовано в антиклерикальных стихах Ломоносова, оно уже послужило основой противоцерковной сатирической повести XVII столетия.

Русская демократическая сатира второй половины XVII века и сатирические стихи Ломоносова сопоставимы по их отношению к церковно-схоластической идеологии.³⁸

³⁸ О сатире XVII века см. работы В. П. Адриановой-Перетц: Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в. М.—Л., 1937; Народное поэтическое творчество времени крестьянских и городских восстаний XVII в. — глава в книге «Русское народное поэтическое творчество», т. I. М.—Л., 1953; Русская демократическая сатира XVII века. М.—Л., 1954 (статья и комментарии), и др.

В озорном юморе, «глумстве», с каким народная повесть изображает персонажей Библии и пользуется церковными текстами, есть ростки свободного, скептического отношения к церковному правоверию.

В научной литературе неоднократно проводился в качестве иллюстрации смелого просветительского вольномыслия В. Н. Татищева рассказ Феофана Прокоповича³⁹ о том, что Татищев отрицал принадлежность «Песни песней» к священному писанию, считая ее произведением светским.

Но в памятниках демократической литературы второй половины XVII века, например «Повести о бражнике», обращение с текстами священного писания, с героями Ветхого и Нового завета проникнуто еще большей дерзостью, чем отзыв дворянского просветителя о «Песне песней». В комическом «прении» бражника с апостолами есть элементы рациональной критики канонических текстов и христианских догм. Автор повести о бражнике подмечает в «Писании» противоречия, например между евангельским «друг друга любяй» — учением о всепрощении, и идеей наказания за грехи. Церковно-догматическому правоверию повесть противопоставляет здравый смысл. Это тоже вольнодумство, хотя и не освещенное теоретической мыслью. Оно возникло как реакция народа на враждебные устои жизни.

В работах по истории русской философии отмечается в качестве характерной черты процесс «борьбы против господствовавшей религиозно-схоластической идеологии».⁴⁰

В этот процесс включаются своими сильными сторонами и русское народное творчество.

Доказывая, что религиозность не свойственна русскому народу, Белинский привел пословицу: «Годится — молиться, а не годится — горшки покрывать». В сборниках XVII—начала XVIII века мы находим не менее выразительные пословицы: «В одном дереве икона и лопата», «Аллилуя петь над поклонами преть», «Грядет Макар к вечерне от собак на кабак» (П, стр. 85, 74, 92), «Бога молит, затылком в пол колотит», «Молебен пет, а полги нет, ладан выкадил, а беса не выгонил», «Был в Палестине — стоял лицом к стене» (Р, стр. 176, 186, 176).

Отражение народного свободомыслия в пословичном фольклоре отмечалось Горьким, приводившим такие афоризмы, как

³⁹ Феофан Прокопович. Рассуждение о книге Соломоновой... М., 1774.

⁴⁰ И. Т. Иовчук. Об исторических особенностях и основных этапах развития русской философии. Сб. «Из истории русской философии», М., 1951, стр. 11—12.

«молился, молился, а гол, как родился». Это свободомыслие Горький вскрыл в русском героическом эпосе, в озорном богоборчестве новгородского богатыря «грамоте ученого» Василия Буслаева, в гневном протесте предводителя «голей», любимого народного героя Ильи Муромца. Горький показал, что кощунство Буслаева, стрельба «мужика-богатыря» Ильи Муромца «по церковным главам» — мотивы, которые существовали в эпосе вопреки интересам церкви и оформляли протест народа против гнета.⁴¹ В былинном эпосе сказалась критическая мысль, она противостояла церковной проповеди, которая внушала: «умом ниже — богу ближе». В былинах о Василии Буслаеве смелость разума показана как проявление богатырства.⁴²

Критическое отношение к церковной догме, поэтизация «дерзости разума и деяния» (Горький), богоборческие тенденции, антицерковная сатира, «ясность и положительность» народного ума (Белинский), утверждение силы знания — всё это черты, которыми русский фольклор веками стихийно противостоял клерикальной идеологии и которые в ряду с другими идеями народного творчества позволяют видеть в нем один из истоков русской материалистической мысли. В связи с этим будет закономерным ставить вопрос о преемственности развития русской прогрессивной мысли от антицерковных тенденций, присущих фольклору и демократической литературе средневековья, к антиклерикальным, просветительским идеям Ломоносова. С появлением сатирической повести антиклерикальные начала, жившие в сознании и устном художественном творчестве народа, впервые нашли рельефное выражение и в древней русской литературе и дали ей новое направление. Противоцерковная сатира народной повести XVII века и просветительной поэзии первой половины XVIII века соответствуют двум крупным этапам в преодолении господства клерикальной культуры, в движении русской литературы от противоцерковных тенденций к антиклерикальной идеологии.⁴³ Белинский писал, что «любовь к свету, выразившаяся в пословице: „*ученье свет, неученье тьма*“, составляет одно из лучших и благороднейших свойств русского

⁴¹ А. М. Горький. О религиозно-мифологическом моменте в эпосе древних. Собрание сочинений, т. 27, М., 1953.

⁴² Значительное место былинам о Василии Буслаеве уделено в исследовании В. Я. Проппа: Русский героический эпос. Л., 1955, стр. 427—460.

⁴³ Считаю необходимым при этом подчеркнуть, что демократическую сатиру XVII века и просветительскую сатиру первой половины XVIII века мы выделяем как наиболее важные для указанного времени, но не единственные явления в этом процессе; к тому же, как известно, и раннее русское просветительство уже не было однородным.

народа...»⁴⁴ Любовь к свету как одна из характерных черт народа воплотилась в созидательной деятельности, в ясной материалистической мысли великого просветителя, в его борьбе против клерикальной идеологии, церковного мракобесия, питеизма.

Общность оценки и реалистичность изображения церковников в стихах Ломоносова и в сатирических повестях, а также связь этих произведений (качественно различная) с устным народным творчеством обуславливают родственность существенных художественных мотивов и приемов. Так, например, мотив о поповском скудоумии, известный по произведениям фольклора и развернутый в «Гимне бороде», входит в сатирическую повесть. В «Азбуке о голом и небогатом человеке» — это «Фома поп глуп», в «Сказании о попе Савве» — это сам Савва: показывая его как хитрого добытчика и эксплуататора, автор в то же время с особенной настойчивостью подчеркивает глупость попа: Савва — «шелной», «дурной поп», «глупый папенцо», «глупой», «прямой дурак» и даже «воистину дурак». Интересно отметить, что в повести использован мотив о большой бороде и малом разуме, при этом, как и у Ломоносова, в отнесении к попу. Фальшь церковного благочестия и монашеского аскетизма Ломоносов высмеял в аллегорическом образе бороды («проказы» в «Гимне бороде», «Оде Трессотину»), а также в образах чревоугодницы-мышы и аскета-пустытника (эпиграмма «Мышь некогда, любя святыню»). Ту же обличительную функцию и общие черты имеет, например, образ лисы-исповедницы в повести о куре и лисице и образ лицемера в сатирическом фольклоре, в частности в пословицах и поговорках (в таких, как «По бороде Никола, а по зубам собака», «Абие, абие, а на уме бабие», «Четки на руке, а девки на уме» и др.).

С повестей XVII века в русской литературе начинается широкое использование фольклора в подчинении сатире. Освоение устного народного творчества, определявшее характер сатирических повестей XVII века, не было теоретически осмыслено их авторами, некоторые повести в какой-то степени еще остаются на уровне фольклора там, где связаны с ним, и в этом смысле представляют как бы ряд переходов от фольклорной сатиры к литературной. Следующий этап в истории русской сатиры, черпающий богатства народной словесности, связан с литературой первой половины XVIII века. Народные повести XVII века и антицерковные стихи Ломоносова — это важные

⁴⁴ В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. X, Изд. АН СССР, М., 1956, стр. 70.

вехи и в развитии фольклоризма русской сатирической литературы.

Сатирические повести XVII века и антицерковные памфлеты Ломоносова соединяет отношение к русским народным пословицам и поговоркам. Одни изречения входят в произведения сатирической литературы XVII века в том виде, в каком они известны по сборникам пословиц XVII века, другие — видоизменяются, например в повести о попе Савве почти все народные изречения подвергались авторской редакции. Но и тогда, когда пословицы остаются в тексте повестей без изменений, они неоднократно используются для сатирической характеристики и оценки действующих лиц. Иногда пословица перефразируется в соответствии с авторскими целями. Использование пословицы как один из приемов характеристики литературного персонажа — несомненно, творческая тенденция. Правда, от нее еще далеко до той манеры привлечения пословичного фольклора, которая характерна для Ломоносова, но какие-то зародыши этой манеры в народных сатирических повестях уже есть. Приведем примеры. Образ попа Саввы (в одноименной повести) создается не только повествованием о поступках Саввы, но и перечнем его качеств (как перечень качеств строится образ церковника и в «Гимне бороде»). Используя этот прием, автор повести о попе Савве привлекает пословицы и поговорки оценочного характера, изречения, которые определяют ту или иную черту человека, — именно пословицы этого типа используются в ломоносовской сатире. Пословицы о глупости применены в повести к церковнику — опять-таки прием, развернутый в «Гимне бороде». Там же и другие пословицы, использованные для характеристики Саввы: «Кто друга съедает, тот всегда сам пропадает. / А кто за ябедою гоняетца, тот скоро от нея погибаетца». В сборнике «Повести или пословицы всенароднейшие» есть изречение: «Знай боле, а говори мене» (П, стр. 108). В «Азбуке о голом и небогатом человеке» эта пословица переиначена, в соответствии со стилем автора «Азбуки». В новой, комической, редакции пословица отнесена к попу и звучит насмешкой над ним: «Фома поп. . . меньше знает да болше молчит».

Стилистическое влияние пословичного фольклора, отбор пословиц, их приспособление к сатирической характеристике духовенства — все эти элементы сатирической повести в ином качестве, как черты новой поэтики, возникают в антиклерикальных стихах Ломоносова.

Говоря о том, что «демократическая сатира XVII в. вместе с народной сатирой начинается» «сатирическое направление, которое развивали прогрессивные писатели — сатирики XVIII в.

(Фонвизин, Новиков, Крылов) и классики русской сатиры XIX в.», В. П. Адрианова-Перетц выделяет общее для сатиры XVII и XVIII веков тяготение к приемам и формам пародии.⁴⁵

Отметим еще один факт соприкосновения сатирических повестей XVII века и антиклерикальных стихов Ломоносова.

«Гимн бороде» формально построен как стихотворное «похвальное слово», или, по определению самого Ломоносова, «похвальна песнь». «Гимн бороде» отличается от пародий на похвальную речь, появлявшихся позднее в русской литературе XVIII века. У Ломоносова пародия не выдержана, жанровые обозначения «гимн», «похвальна песнь» — это как бы внешнее обрамление памфлета. Ломоносов не заботится о том, чтобы его сатира была уложена в формы, отвечающие жанру и стилю панегирика. В «Гимне» Ломоносова нет той двусмысленности, «двухпланности», которые присущи, например, произведению Крылова «Похвальная речь в память моему дедушке». «Корень действий невозможных», «Завеса мнений ложных» — подобные словосочетания не совмещаются с «гимном», «похвальнoй песней». Автор не скрывает, что его «гимн» — это обличение.

Всеми этими чертами незамысловатая, так сказать, «открытая» пародийная форма ломоносовского гимна тяготеет к пародийным приемам сатирических повестей XVII столетия. Заключительная часть «Повести о попе Савве» — акафист «Савве и его великой славе». В этой повести славословие только обрамление. Использование формы акафиста отражается в стиле произведения лишь внешне: в употреблении анафоры «Радуйся» и элементов синтаксического параллелизма. Автор и не скрывает, что его акафист — насмешка и обличение, это, по его собственному определению, «смешной икос». Этот акафист густо уснащен всякими ругательными эпитетами. Акафист, славословие и «вшивая голова», «дурной нос», «дурак», «дурной поп» («Повесть о попе Савве») несовместимы, так же как несовместимы гимн, «похвальна песнь» и «корень действий невозможных», «дураки, врали, проказы» («Гимн бороде»). Сам автор повести определяет смысл ее заключительной части как панегирик Саввиной глупости: «...и всей глупости твоей слава». Сатирический акафист, славословие попу Савве и сатирический гимн, «похвальна песнь» «бороде», духовенству в целом, могут служить одним из примеров преемственности и различий демократической сатиры XVII века и сатиры Ломоносова.

⁴⁵ В. П. Адрианова-Перетц. У истоков русской сатиры. В кн.: Русская демократическая сатира XVII века. М.—Л., 1954, стр. 184—185.

Для XVIII века антиклерикальные стихи Ломоносова — это факты рукописной традиции. В Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина хранится рукописный сборник, в который вошел один из списков «Гимна бороде». Здесь же — повести о Ерше, о Шемякином суде и др. В данном случае рукописная традиция объединила демократическую сатиру XVII века и сатиру Ломоносова.

При всем своем значении для истории литературы сатирическая повесть XVII века не поднялась до глубоко творческой разработки фольклорных мотивов и образов.

В русской передовой сатире XIX века прослеживается линия использования фольклора как художественного источника. Это освоение — высоко творческое, оно обогащает используемые мотивы и образы народной словесности, на уровне передового мировоззрения и культуры эпохи (поэты-декабристы, Пушкин, Некрасов, Салтыков-Щедрин и др.).

У истоков этого процесса в русской национальной литературе стоит сатирическая поэзия Ломоносова.
